

Николай Шевцов

Я за себя не отвечаю

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Шевченко

Я за себя не отвечаю

<https://litres.ru/74068274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник юмора. Немного ретро - рассказы. Оглянувшись вокруг: Рассказы. Полезные советы. Мировые новости. Криминальные истории. Коротко об интересном. Рекламный калейдоскоп. Новости киноэкрана. Телевидение для вас. Автоюмор.

Николай Шевченко

Я за себя не отвечаю

Немного ретро

Как я участвовал в телемосте

Ну поругался я с женой, ну подумаешь, пришел поздно со дня рождения друга. А она и такой скандал закатила! Три дня теперь молчать будет и зло сопеть.

Еду я в троллейбусе с работы домой и грустно размышляю о том, что эти дни кончаются, а так тихо было. Чувствую, на чем-то сижу – пошарил рукой и вытаскиваю из-под себя газету, какой-то пассажир забыл, то ли итальянскую, то ли французскую, сам-то я немецкий когда-то изучал.

Полистал я ее, а там, на последней странице фотография уж очень интригующая, но что-то напечатано плохо, а еще иностранцы. Короче, девушка в завлекательной позе сидит на мотоцикле, и вроде совсем голая, а может и не совсем. Вглядываюсь, не пойму, аж глаза заболели.

И тут меня за плечо трогают. Интеллигентный с виду мужчина с уважением смотрит на газету и на меня, и негромко предлагает мне участвовать в телемосте с Америкой. Дал мне свою визитку, записал мою фамилию и сказал время, когда надо приходить в телецентр в 4 студию. Я спросил, может подготовиться надо как-то. «Не надо, – говорит, – вижу вы человек интеллектуальный». Молодец, разбирается в людях.

На следующий вечер прихожу в студию. Усадили нас в кресло и вкратце объяснили, что к чему. Наушники у каждого – синхронный перевод. И, что любопытно, ведущий у них там наш, а у нас ихний – для более тесного и откровенного контакта аудиторий.

Ну вот и начали. Эх, думаю, пусть жена посмотрит на мужа, которого не ценит по достоинству, и шнур микрофончика, который в нашем ряду, я незаметно зацепил ножкой кресла, чтоб рядом все время был. Ведущий потом и дергал и тянул к себе микрофон – без толку. Ничего, их несколько... Через десять минут я оценил обстановку и понял – пора включаться в дискуссию о свободной продаже оружия. Я говорю, не прорабатывал этот вопрос, но прослеживается аналогия – как только у нас в продаже появились китайские игрушечные пистолеты взамен отечественных, так сразу и повсеместно усилилось хищение настоящего оружия. Может, конечно, совпадение, но выводы делайте сами.

Вижу – удивились. Подождал я немного и опять микрофон к себе – это я на их вопрос о переносе столицы в Акмолу (позже Астана, Нур-Султан и опять Астана), по каким соображениям? Геополитическим, или землетрясения боитесь?

Нам не землетрясения опасаться надо, а потрясений экономических, но мы уже и их не боимся. Это сначала было плохо, зато потом все хуже и хуже. А столицу мы перевели потому, что в центре Алма-Аты строить уже негде, с одной стороны полукольцом горы, с другой степь, пасти скот мало

места остается. И еще климат здесь неровный – то жарко, то похолодает, то в середине зимы теплынь, то безветрие. В Астане с этим проще – ветер всегда, а тепло не то, что зимой, но и летом редко бывает. Такое постоянство погоды не может радовать столичных жителей.

Наш ведущий ласково мне через океан кивает, а американский, хоть и улыбается, чувствую, недопонимает.

Видишь, жена, и иностранцы в мои умные рассуждения не сразу врубаются!

Тут один из американской аудитории руку поднял, рожа такая хитрая:

– Правда, что вашей энергосистемой сейчас управляют бельгийцы?

(Кстати, было такое).

Один из наших, начальник какой-то, стал долго и нудно объяснять – иностранцы тут затосковали и, хотя мы привыкшие к таким речам, я микрофон к себе, и перебиваю чиновника-путанника:

– Подытоживая четкие и ясные объяснения этого господина, хочу сказать, что наше правительство решило помочь Бельгии. У них там давно все хорошие должности заняты, и многим бельгийцам управлять уже нечем, а у нас – пожалуйста! Во, как мы быстро развиваемся во все стороны.

Наш ведущий даже поперхнулся от неожиданно верного ответа и вытаращил на меня глаза с экрана. А американцы уважительно зааплодировали. И наши их поддержали со сле-

зами на глазах от гордости за страну, и от смеха – больно уж уморительная физия была у нашего ведущего.

Гордись, жена, как я горой за страну!

Интересно прошел телемост. Все-таки мы об американцах гораздо больше знаем, чем они про нас. А раньше о нас и вообще не знали. Тяжело им, бедолагам: у них там и Даллас, и Санта-Барбара, и кошмары на улице Вязов в Сан-Франциско. А бельгийцев вообще жалко, трудно им обойтись без нашей гуманитарной помощи – природных ресурсов и полезных ископаемых. Нам-то проще – у нас только своих управляющих пока не хватает.

Рифы рифмы

Смуров сосредоточено глядел в окно автобуса, замкнувшись на своих мыслях. Сегодня Галя с упреком сказала ему: «Не любишь меня ты, Смуров, хоть бы когда мне стихи посвятил, что тебе стоит при твоём таланте. Стихи, они всегда останутся, как память о тебе, не то, что эти быстро увядающие цветы и периодически пополняемые тобою наборы конфет».

Не фига, значит, ей вместо цветов стихи, или все вместе? А что ей еще дарить, что-нибудь по хозяйству? Типа электромясорубки? Да, вроде у ней все такое есть, Смуров, за полгода тесного знакомства, определился по Галкиным кухонным гаджетам. Да, и на что она намекала «как память о тебе»? Га-

лина была хорошая женщина, с добрым характером, и Смуров – старый холостяк, по привычке к ней, хотя раньше думал: «чтоб я, с какой бабой связал судьбу? Да не в жизнь!» Никогда не надо зарекаться. Пора написать Галке нежное ласковое стихотворение, где так сказать, высоким штилем, о моих чувствах. Решено. Послезавтра у ней день рождения, и я выполню ее просьбу. Только надо немного потренироваться на рифмах, давненько он стихоплетством не занимался.

– Ваш билет? – кто-то легонько тронул его за плечо.

– Да, билет, – подтвердил Смуров, и в стиле песни, где есть билет на балет, а на трамвай билета нет, начал выдавать рифму. – Цветов букет, коробка конфет, и быстрее на банкет, юбилей полсотни лет, шеф вам шлет большой привет.

– Какой шеф, – удивилась контролер. – Ваш билетик, вас спрашиваю...

– Я ничего не приукрашиваю, – тренировался Смуров, – зла не держу и не вынашиваю...

Тут он запнулся и начал подбирать ассонансы: – Краше мою... старше твою...

– Но, но, молодой человек, – нахмурилась контролер, – попрошу без выражений!

– И не надо осложнений, – радостно подхватил Смуров, здесь рифма шла легче, – в жизни часто терпит гений массу мелких поражений.

– Ясно-о, – понимающе протянула контролер, – с юбилея, значит, поэтому и куражишься.

– Куражишься, – повторил Смуров, лихорадочно подбирая рифму на такое неожиданное слово, но в голову ничего не приходило, и он беспомощно прошептал: – не найду.

– Конечно, не найдешь, раз не брал билет. Вот и конечная. Ладно уж, иди. Эх, ты, заяц.

«Где он слова такие находит – «заяц»? Кроме паяц, ничего не придумать, – уныло размышлял Смуров. – Надо же, трудноватое это дело – поэзия. Но главное в ней все-таки не талант, он-то у меня есть, а этакая сообразительность – к любому слову рифма, а нашел тему – только успевай, строчи».

От таких мыслей Смуров немного взбодрился. Ну а Галке на этот раз он подарит французские духи. «Шанель» номерную. Может, не обидится?

И Смуров, подрабатывающий в областном литературно-художественном журнале литконсультантом в отделе поэзии, весело зашагал домой писать едкий разгромный отзыв на произведения молодого, и как говорили, талантливого поэта, одного из тех, кто еще пишет стихи в такое неподходящее для лирики время.

Маршрутки 90-х

Помните ли вы маршрутки 90-х годов? Вот где были виртуозы руля, жонглеры

автодорог! Сколько раз замечал, но до сих пор не могу понять, как водитель одной рукой ухитрялся вертеть баран-

ку, а другой держать сигарету у приоткрытого окошка и одновременно брать деньги у пассажиров, давать сдачу, проверять студенческие удостоверения, школьные справки, при этом еще разговаривать по мобильнику и ехать по маршруту?

Вот многорукий Шива и двуликий Янус одновременно! Прошло много лет, а этот способ передвижения не забудется никогда.

Куда смотрели тогда директора цирков? Да, с людьми, обладающими такими возможностями, на зарубежных аренах можно и нужно было показывать потрясные номера! Но, наверное, не ездили из администрации цирка на маршрутках. Очень жаль, многое они потеряли, лопухи.

А мы, пассажиры и зрители поневоле участвовали в этом ежедневном шоу, трясаясь в набитых однодверных маршрутках. Конечно, есть опасные профессии, например: летчики-испытатели, шахтеры, вулканологи, подводники, работники ЧС, но там им доплачивают за риск. А на маршрутках 90-х мы, подвергаясь не меньшему риску, сами оплачивали его. Вот что значит – бывшие «совки»!

И я горжусь такими отважными людьми, жившими в то время, как вы и я! Вот откуда у нас появились возможности по настоящее время подтверждать свое непреходящее житейское бесстрашие в различных ситуациях: при проведении медицинских процедур, обеда в забегаловке, перехода улицы в неположенных местах, рискованной езды на своем авто по

скользкой дороге, покупке китайской пиротехники, а также взятие непокоренных вершин и кредитов с ипотеками.

Бильярд

– Ой, девочки, что со мной на днях было! Представляете, человека от смерти спасла! Вау! Позавчера мы с Ленкой попробовали в развлекательном центре «Тихий сап» коктейль «Огонек». Ни фига себе, «Огонек»! Внутри как пожар в прерии. Точняк. Но ничего, продышались. А мне чего-то в голову стукнуло на бильярде поиграть. Девчонки, скажу правду, все мужики там от меня тащились. Вот и один у стола усатенький, давайте, говорит, я научу вас как кий правильно держать, а сам вроде так полуобнял, вроде как помогает, а я чувствую – лапает, тараканья морда! Я ему: сгинь, дядя, что надо я держать умею, и кием этим, вроде бы как нечаянно ему поддых. Он, согнувшись, свалил махом в бар отдышаться. А за соседним столом один такой приличный блондинчик с кием наперевес. Я ему глазки... Ой, мужики от меня в отпаде!

Тут я от радости кием по шару – бац! Блондинчик от изумления тут же и рухнул. Это я, оказывается, шаром ему прямо в лоб закатаю, секите, какая точность! Ха-ха-ха. Я же говорю – полный отпад. От нашего стола вашему столу. Ой, девчонки, кий мне какой-то кривой и скользкий вручили, и когда он полетел вслед за шариком, то попал в пробежавшего

мимо с закуской и выпивкой официанта, который брякнулся на встававшего блондина. Его приятель рванулся на помощь, но поскользнулся на кусочках лимона недоставленного заказа, и на этих двоих – хлоп. Куча мала! Шум, грохот, матерки, смех. Полный отколбас!

Я официанта, разносом придавленного, откатила в сторону, а блондинчику на ушибленный лобик дунула. Наверное, жар от коктейля у меня еще не затух, так, что он словно после нашатыря мигом очухался, на ноги встал и благодарить стал. Спасли вы меня, признается, от пагубного пристрастия к бильярду, не знал, что он бывает так опасен. Я: да вы что, не бойтесь, давайте, со мной сыграем. Он аж отпрянул: девушка, с вами только в шашки и то по телефону, кстати, какой у вас номер? Познакомились, и вот приколы – он в службе спасения работает. Чао-какао, девочки, спешу. У нас с блондинчиком сегодня свидание. Его очередь спасать меня от чего-нибудь.

Новинки телеэкрана

В 90-е годы на телевидении СНГ был расцвет латиноамериканских сериалов, так называемых мыльных опер: «Рабыня Изаура», «Просто Мария», «Богатые тоже плачут», «Дикая роза» и т.п. шедевры ныне позабытого примитивного киноискусства. Женщины разного возраста, а тем более, почти все пожилые люди прямо тащились от трудных

судеб телегероев, состряпанных шустрými и неугомонными сценаристами.

Я тогда не мог пропустить это явление и при первой же возможности напечатал данную пародию в газете.

Предлагаем вашему вниманию рецензию известного кинодраматурга Тагга Атта на новый зарубежный сериал «Хуанов дружная семья».

На маленькой фазенде «Черная жемчужина» в сельве Гваделупы живет семья дона Хуана по прозвищу «Жестокий ангел». Роль хозяина фазенды во всем блеске раскрывает талантливый актер Брюс Гонсалес. Первые 52 серии дон Хуан с бутылкой текилы сидит перед парадным входом своего неказистого домика с высокими черными мраморными колоннами. Это седой мужчина приблизительно лет сорока пяти – шестидесяти трех с густыми узенькими усиками, на голове его помятая национальная шляпа.

Уже в 87-й серии к «жестокому ангелу» подходит жена донья Хуанна или проста Анна – миловидная стройная женщина с косым шрамом во все лицо – последствие недовольства дона Хуана от плохо приготовленного ею салата. Ее необъятная фигурка имеет форму комода (здесь и далее единство противоположностей в виде смелого режиссерского решения); ее маленький вздернутый носик, похожий формой и размерами на косой парус баркаса (как шутят ее оставшиеся

в живых подруги), жадно втягивает запах текилы.

Безусловно, это наиболее удачная роль опытной актрисы Симоны де Бержерак.

Донья Хуанна с ласковой злобой смотря на мужа, расплывается в ослепительной улыбке беззубым ртом (она застрелила уже троих неуклюжих дантистов).

– Привет, папочка! – дон Хуан в 107-й серии гладит по шляпе новый персонаж – дочь Хуанюта или просто Анюта, ее отлично играет подающая большие надежды, особенно, в стриптизе Вероника Мариелена. Ее Анюта – юное взбаламошное создание лет так двадцати – тридцати пяти. Бывшие черные волосы редкими жидкими пепельными прядками красиво ниспадают на плечи, Чувственный рот девушки изящно подчеркнут «заячьей губой» (дон Хуан не разрешает дочке делать операцию до замужества, чтоб не изнасиловали лихие люди), капризно полуоткрыт, Короткое летнее просторное платье скрывает ее четырехмесячную беременность (причина – старый подслеповатый слуга Хулио, по ошибке принявший вместо противорадикулитной мази таблетку Виагры).

Как лихо авторы фильма продолжают закручивать сюжет!

В 132-136 сериях дочка и ее суррогатная мать визжа от избытка дурных предчувствий расцеловывают дон Хуана, а затем, отплевавшись, приволакивая ноги и хромая, упархивают в дом. Дон Хуан нежно улыбается им вслед и, судорожно сжав зубы, безглаголиво протирает лицо текилой.

Какие психологически точные ходы используют режиссер!

Авторы фильма не устают подчеркивать, с каким вниманием относятся друг к другу члены этой небольшой семьи. На протяжении всего сериала показано, как любовно и трогательно выхаживает донья Хуанна мужа после каждой своей неудачной попытки отравить его. И дон Хуан, в свою очередь, заботится о здоровье своей обожаемой супруги, когда в очередной раз ее сбивает джипом на полном ходу.

А взять сентиментальную крошку просто Анюту, каждый день посещавшую в реанимации любимых родителей, чудом оставшихся в живых после устроенного ею взрыва в их спальне.

Сложные образы создал режиссер, недаром все первые 429 серий пролога смотрятся на одном дыхании.

Талантливые в меру актеры, опытный временами режиссер, изумительно сложный по своей простоте сценарий и сжатый до бесконечности сериал, что еще нужно зрителю, чтобы спокойно встретить старость?

О майоре Пронине

Более пятидесяти лет назад вышел сборник «Приключения майора Пронина» Льва Овалова.

Герой повестей храбрый боец с коварными шпионами чекист Иван Пронин вскоре стал нарицательным пер-

сонажем наравне с Чапаевым, поручиком Ржевским и Штирлицем. Сейчас молодежь о нем не знает, а раньше, в 60-х годах, анекдоты и гротесковые истории о майоре Пронине были весьма популярны. Порядочный и честный майор КГБ вызывал иронию у большинства читателей, прекрасно помнящих о повальных репрессиях 30-х и 40-х, когда чекисты исполняли карательные функции против своего народа. Поэтому в Самиздате ходили всяческие ехидно-издевательские перепевки сюжетов о Пронине. Впрочем, никакой антисоветчиной тут не пахло, так, почитать и повеселиться в компании.

Представляю одну из таких самодельных историй о бравом майоре. Напоминаю: надо не забывать, что писалось все мной это при советской власти, поэтому юмор во многом был ограничен.

Часть 39/7

ДВОЙНОЙ ГАМБИТ

Джеймс Флокс, по советскому паспорту Евгений Флокин, подпрыгивал на задних сиденьях рейсового автобуса, контролируя всех впереди, и не переставал удивляться, что на местах пассажиров ПАЗика не было ремней безопасности. Потому что на сельской дороге, изобилующей сюрпризами в

виде новых ям и ухабов, пассажиры изо всех сил вцеплялись в поручни, а не успевшие это сделать, легко взлетали к потолку салона, бестолково махая ручонками. Трудно привыкать к свободным полетам. Но Флокса трясло больше всех, ухватиться было не за что – справа и слева его расположились две толстые тетki с большущими раздутыми сумками на коленях, и этот багаж благополучно придавливал их, когда автобус брыкался. Джеймс уже с десятков раз головой ударялся об потолок салона, однако потом догадался нахлобучить на макушку засаленный треух, русский национальный головной убор, купленный в городе за бутылку вина (бормотухи) у спившегося бичугана. За это время у него несколько раз из-за пазухи выскальзывал на пол пистолет с глушителем, обмотанный для маскировки сосисками... Тетки жадно смотрели на сосиски и Джеймс заподозрил, что они запросто срубали бы их вместе с пистолетом.

После двухчасовой бодрящей езды, автобус въехал в деревню Новокуево и остановился возле правления колхоза «Социалистический Млечный путь», бывшей артели «Красное копыто».

В окрестностях Новокуево (бывшее Старозадово), по данным, полученным из Лэнгли, где-то располагался некий секретный полигон, а что там испытывали, это и предстояло узнать агенту ЦРУ Флоксу, проходившему в донесениях под псевдонимом Крючок. Но при всем своем профессионализме он не догадывался, что контрразведчик майор Пронин

следил за ним от самого областного центра, и был как раз тем самым «бичом», который продал старую шапку с радиомаячком Флоксу, а сейчас он пылил по проселочным дорогам на служебном тракторе «Беларус» параллельно автобусу с Флоксом.

Предъявив в сельсовете поддельное командировочное удостоверение работника облстатуправления, Флокин принялся расспрашивать не полностью похмелившихся бригадиров о посевах, и количестве культивируемых площадей

«Соц. Млечного пути». При этом он ухитрился незаметно сфотографировать микроаппаратом схему квадратно-гнездовой посадки картофеля на стене комнаты, приняв ее за карту минных полей.

«Да, полигон защищен надежно, – подумал Крючок, – не надо никаких бросающихся в глаза заборов, ограждений и пропускных пунктов, и аэрофотосъемка ничего не даст. Очень хитро. Что же там творится? Наверняка, ракетные шахты».

Флокин сообщил выступающему на планерке председателю колхоза, что хочет посмотреть, как на полях взошла рожь, и попросил выписать ему туда пропуск. Руководитель со стройным лицом и доверчивыми бровями, ни секунды не медля, достал проштампованный квадратик бумаги, поставил число, расписался и продолжил совещание, подкрепляя свои указания семиэтажным матом, от которого подчиненные тут же просыпались.

Джеймс был в восторге от собственной сообразительности и ловкости, председатель не догадался, что его проверяют, безоговорочно выписав пропуск, а на хрена он нужен в колхозе? Получается, глава колхоза знает про военный объект!

А майор Пронин тем временем не дремал, под видом старенького сгорбленного деда он незаметно ковылял за шпионом.

А вот и поля, засеянные гречихой, как уверяли его хитрые колхозники. Флокс ухмыльнулся – вранье! Все это для отвода глаз. Он вытащил из-за пазухи металлоискатель и пошел по полю.

Пронин, укрывшись в березовом околке, наблюдал за Флоксом-Фокиным и задумчиво чесал темечко. Какого черта здесь делает агент ЦРУ? На сто километров вокруг вообще нет ни военных частей, ни объектов. Наверное, у Крючка где-нибудь в поле назначена встреча со связником? А что, уважительно покачал головой майор, со стороны противника это неординарный ход. Он снова посмотрел в бинокль. Вот! Он так и предполагал – навстречу шпиону полевой дороге шла женщина с подойником в руке.

Подозрительно, подумал Джеймс, увидев идущую навстречу женщину, может это подстава КГБ? Что она тут делает днем? Вроде бы идет с молочной фермы, виднеющейся за полем. Но, во-первых, неизвестно, ферма ли там? А если это замаскированная радиолокационная станция? Здесь, в Советском Союзе никому и нечему нельзя верить, надо все

перепроверять, здесь все подозрительно, так его учили инструкторы ЦРУ, и они, черт возьми, правы на все сто! Вон в руке у нее ведро, а ведро ли это? Если и да, то, что там внутри?

А связник-то непростой, Пронин вынул из кармана фотоаппарат с мощным объективом и начал делать снимки – надо же, как обставлено, все вполне естественно, просто случайная встреча. Интересно, что там у ней в ведре? И вообще, она ли это? Есть вероятность, что это переодетый мужчина.

Маруся Федоскина спешила домой после утренней дойки, надо накормить скотину, затем мужа, выпихнуть его на работу, постираться, разбудить оболтусов-детей, а то до обеда будут дрыхнуть, пусть лучше идут на колхозные поля за кукурузой или подсолнечником. Надо хоть что-то урвать на халяву.

Интересно, а что это за красавец идет навстречу? Сразу видно, не местный, и не только потому, что трезвый, а и одет по-городскому. Наверное, кто-нибудь из районного или областного сельхозуправления. Но почему так, в деревнях какие-то хилые, задолбанные самогонкой, пахотой и председателем мужичонки, а в городах настоящие мужчины? Надо перед приездом вроде споткнуться, пусть поддержит слабую женщину, а если не сможет, еще лучше, упадем вместе. Муж Федоскиной давно не исполнял супружеские обязанности, он о них попросту не помнил, правда, иногда моясь в бане с женой, к нему приходили какие-то смутные мыслиш-

ки насчет постельного интима, но сразу же после бани, приняв стаканчик-другой, он опять все забывал напрочь.

Маруся рухнула на Флокса-Фокина всеми своими 93-мя килограммами, впечатав его наполовину в землю. Джеймс не успел отреагировать, хотя имел черные пояса по дзюдо и каратэ. Отчаянно сопротивляясь, он вырвался из-под страстно заламывающей ему руки и расстегивающей его брючный ремень сотрудницы КГБ – конечно, а кто ж она после этого, точно секретный агент.

Шпион и женщина неожиданно исчезли из вида майора, и он даже чихнул от злости. Да, умно коварный враг организовал встречу, ведь ничего документально не зафиксировано, раз нет фото, кто там кому чего передавал, то и нечего предъявить потом американскому консулу.

Джеймс вскочил, но проклятая баба успела стянуть с него штаны, наверное, чтобы он не мог далеко убежать. Она и сейчас цеплялась за его ногу, тяжело дыша и бормоча что-то непонятное. Какой ужас! Наверняка, она из отряда русских краповых беретов. Надо бежать! Флокс с трудом вырвался и, натягивая штаны, на карачках попер в гречишное поле, не забывая через каждые пятьдесят метров брать пробы земли.

– Что с тобой, голубчик? – жалобно простонала Маруся вслед скрывшемуся городскому. Ой, да какие они пугливые, ядрена вошь! Она отряхнула платье, подобрала подошник и потерянный незнакомцем трех (ну почти как новый), и пошла домой.

«Вот это сюрприз, – щелкнул языком майор Пронин, следя через фотообъектив за связной. – Флокс исчез, значит, где-то поблизости у него схрон. Как гады подготовились».

Ладно, псевдодоярка никуда не денется, а вот Флокса терять надолго из виду нельзя, вдруг он задумал заминировать колхозные поля, чтобы при уборке урожая подорвались комбайны и трактора. Какой гнусный замысел! А Би-Би-Си тут же передаст, что советская техника опасна при эксплуатации.

Вдруг Пронин заметил вдали внезапно возникшего среди гречихи Крючка, он явно возвращался назад в деревню. Надо обязательно сообщить в управление, чтобы прислали саперов проверить все участки, где шандарашилась шпионская морда.

«Пора сматываться отсюда, – встревожено думал Джеймс, – и как я раньше не заметил слежку? Эта женщина наверняка вызовет подкрепление и тогда меня будут «пасти» очень плотно».

Слева за деревьями блеснула речная гладь. Вот и прелестно, обрадовался Флокс, на берегу надо раздеться и проверить одежду на наличие радиомаячка, который ему наверняка подсунули на райцентровском автовокзале, да заодно для отвода глаз и искупаться.

Когда Джеймс тщательно, но безуспешно осмотрел свою одежду, он пришел к логичному выводу, что за ним ведет наблюдение один из русских спутников, иначе его вычислить

не смогли бы. Флокс испытал чувство законной гордости за себя, не каждому разведчику удастся такая честь со стороны противника.

Пока он плавал, Петя Золкин и Вася Лаптев, второгодники и хулиганы, спрятали одежду странного, незнакомого мужика (а чего это он купается полностью голый, но вместе с сумкой?), подальше в кустах. В кармане его брюк они нашли лишь талоны на питание в колхозной столовой, подписанные председателем. Что же, и это совсем неплохо. Старший братеньник Золкина за это даст полпачки «Беломора». Тут появился какой-то противный дед и прогнал пацанов. Петя пожаловался братеньнику, рыбачившему неподалеку, но удивительный дед прогнал и брата, так пнув его, что тот шесть метров пролетел над кустами, напроочь забыв после этого, зачем он приходил на речку.

Пронин в свою очередь тоже проверил одежду Флокса и решил туда прикрепить радиомаяк, но так чтобы шпион его не нашел. Поэтому долго не думая, майор сунул маячок в узел резинки трусов Крючка, благо нижнее и верхнее белье агента ЦРУ, естественно, было надежного советского производства – за кордоном не дураки работают. После этого он положил одежду шпиона на прежнее место.

Искупавшись, Джеймс быстро оделся и поспешил к рейсовому автобусу. Фото сделаны, пробы взяты, остается все это передать связнику в городе, и пусть потом в Лэнгли изучают добытый им материал.

Здесь следует объяснить ошибку неутомимого в своих происках ЦРУ, она произошла из-за небрежности сотрудника Смита из группы по обработке аэрофотоснимков одного из регионов СССР. Вначале дня этот сотрудник с увлечением просматривал откровенные снимки из толстого порножурнала, подаренного бывшей невестой (мол, учись, сопляк!), но от такого захватывающего занятия его отвлек звонок шефа с требованием срочно сообщить ему координаты района в Сибири, где возможно находятся ракетные шахты – что-то там на снимках смутно проглядывалось. Вот надо же, не позже – не раньше, расстроился Смит, не дают человеку сосредоточиться. Он нехотя взялся за основную работу, записал данные и отнес шефу. И только снова усевшись за свой стол, он понял, что градусы по долготе он предоставил неправильные, вместо 84° с минутами, он написал 60° с теми же минутами, потому что у смуглой француженки-красотки в журнале талия была 60 см. Вот вбилося в голову! Но и в задницу их всех, решил Смит, наверняка у русских что-нибудь секретное есть и по этим координатам.

А по дороге в город, Флокса, давно не бывавшего на природе, одолевали какие-то странные философские мысли: интересно, а как сова относится к корове, и наоборот?

Завербованный ЦРУ два года назад Булат Флабутьевич Глинтвейн по агентурной кличке Тубус, а по паспорту чистокровный белорус, работал приемщиком стеклотары неда-

леко от центра города, а это значит, он мог легко завербовать за небольшие деньги для выполнения простых операций любого из своих клиентов, выставляющих на оббитый жестью прилавков собранные бутылки. Алкаши знали все и обо всем лучше любого засекреченного академика, поэтому захватывающие донесения Тубуса в Лэнгли ценили на уровне какого-нибудь главного инженера потенциально оборонного завода, например, макаронного, такое производство в случае необходимости махом можно переделать на выпуск пороха. Глинтвейн был очень активный агент – все самые нелепые сплетни об известных советских людях – артистах и певцах, он передавал как добытую лично информацию, и американцам приходилось раскошелиться. Тубус числился восьмым помощником резидента и делал множество закладок в разных районах города, в котором жил всю жизнь, с детства не переставая мечтать о теплых заграничных краях, о собственной вилле, машине и магазине через дорогу, где можно было без очереди купить все.

Крючку надо было передать собранный материал – фото пленку и образцы грунта для отправки в Центр, что он и сделал, сдавая бутылки в киоск Тубуса. Бутылки были из-под кока-колы, содовой, джина, ямайского рома и виски трех сортов, все, что нашлось в американском посольстве после праздника Дня Независимости. Когда Глинтвейн принимал эту тару, он похолодел – такие напитки простой советский человек, сглатывая слюну, видел только в кино. Что за при-

дурка ему прислали? Такой поступок грозит провалом!

Стоящие в очереди за Флоксом мужики, вытаращили глаза на посуду непривычных форм с красочными незнакомыми этикетками. Но Тубус не растерялся.

– Молодец, Вася, – приветливо сказал он, с ненавистью глядя на плохо загримированное (вроде бы как после трехдневной пьянки), мурло агента, – вот как раз я такие и просил для домашнего бара. А Семеныч так и работает в аэропортовском ресторане?

Флокс на всякий случай кивнул.

Мужики успокоились, им стало все понятно. Многие держали в сервантах импортные бутылки, для того, чтобы гости больше уважали хозяина. Правда, содержимое их всегда было заполнено дешевым отечественным вермутом или подкрашенной водкой, и приглашенные тактично не просили хозяев попробовать эти заграничные напитки, зная, что там налита какая-то бурда.

Флокс протянул ручонку, и Тубус отдал ему три рубля, на этой купюре бесцветными чернилами были написаны дальнейшие инструкции.

Перед самым обедом Глинтвейн прекратил прием стеклотары обычным заявлением, что кончились деньги (ведь надо побыстрее передать посылку Флокса резиденту). Он засунул бутылки с фотопленкой и образцами земли в портфель и позвал двух алкашей выжидательно трясущихся с самого утра у киоска составить ящики с бутылками в ряды для по-

следующей отгрузке. Из последних силенок бичары кое-как составили ящики и, получив по два рубля, тут же исчезли в направлении магазина.

– Что вы нам принесли, мистер Глинтвейн? – на следующий день холодно спросил резидент Тубуса. Они встретились в привокзальном туалете у писсуаров, при этом резидент делал вид, что заодно читает газету. – Вместо ценной фотопленки нашего агента, добытой им в чрезвычайно трудных условиях, мы получили диапозитив пятой серии мультфильма «Ну, погоди!», а вместо образцов грунта в бутылках оказался песок со следами собачьих экскрементов, вероятно, из детской площадки. Как вы это объясните?

– Что передали, то и принес, – расстроился Тубус, поняв, что денег сегодня ему не дадут, и вышел из туалета, забыв застегнуть ширинку. Из прорехи под его пивным животом виднелись красные трусы, всегда одетые на случай ареста, а за такое проявление патриотизма суд может облегчить приговор, в этом Глинтвейн был почему-то твердо уверен.

А через пару минут майор Пронин, переодетый в уборщицу, незаметно повытаскивал из всех писсуаров микрофоны. Как все хорошо прошло – сейчас и Флокс под подозрением у своих!

Утром в пятницу майору Пронину и его помощнику капитану Сидоркину от имени руководства объявили благодарность за выполнение ответственного задания по изъятию

шпионской посылки и наградили именными столовыми вилками с профилем Дзержинского. Но враг строил новые козни, поэтому надо было отложить вилки и тарелки со стаканами до вечера, а сейчас снова неутомимо бороться с происками коварных империалистов.

Оглянувшись вокруг

Бартер

Они, как всегда вечером в пятницу, встретились в четвертом вагоне электрички, это Андрей Семенович и его сосед по дачному участку Вадим Алексеевич, оба были одногодки и предпенсионного возраста, ехать им надо около часа, так что успев занять свободные места, можно поболтать о том, о сем.

– Вот скажи мне, Семеныч, что самое большое неудобство для мужчины? – с хитрой улыбкой обратился к Андрею Вадим.

– А чего ты вдруг такой веселый?

– А жена на выходные не приедет на дачу, что-то ее мама приболела.

– А сколько уже ей? Восемьдесят пять? Живучая старушка. Так, получается, у тебя праздник, – завистливо вздохнул Андрей. – А моя уже на даче со вторника. Как же – стала

пенсионеркой.

Вадим согласно и даже сочувственно кивнул.

– Так вот неудобство – это когда ты писаешь, а тут напал пчих. А, правда?

– А я как-то недавно пчихнул, так вставные зубы вылетели на хрен. Хорошо дома, а на улице так бы их и затоптали.

– То-то я смотрю зубы у тебя что-то сильно хорошие, Семеныч, такие в нашем возрасте не бывают.

– Это точно. Дал бы Бог помолодеть, знал бы как состариться. Иногда мне кажется, что и на протезах уже кариес.

– Ничего, как говорится – рад бы заплакать да смех одолел. Вот на пенсию выйдем, тогда и заживем. Не надо будет мотаться с дачи на работу, и обратно.

– Ну-ну. Особенно зимой.

– Нет, все-таки другая жизнь и времени валом. – Вадим мечтательно закатил глаза. – А может, тогда там живность заведу – куриц или уток. К зиме мясо свое будет

– Нашелся кремлевский мечтатель, – усмехнулся Андрей, – нашелся будущий фермер. Надежды юношей пытаются. Милости просим через забор щи шляпой хлебать. От жены сначала «одобрямс» получи. Пошлет она тебя с этими курами подальше. Лучше свиней заведи, и тогда будешь словно в песне Шефудинского про хохлов.

– Это в какой такой песне? – удивился сосед.

– Жизнь – это сало, бесконечное сало...

– А тебе его мало, – продолжил Вадим. – А скажи, Семе-

ныч, вот что за хрень – на дачу прешься с рюкзаками полными, и с дачи так же? Все на горбу, мотаешься как дурак с пряником. Но хоть бы в одну сторону налегке. Не получается, однако.

– Пустые ходки жены не допустят, да и мы к этому не привыкли, – покачал головой Андрей. – Но ничего, зато зимой под соленья-варенья все тяжелое забывается.

– Особенно под рюмочку, – почмокал губами Вадим.

– Это, если тебя жена разрешит. А почему у тебя она в последнее время такая хмурая? Смотрит недовольно, как будто я ей что-то должен.

– Это Катюха села на диету и, как говорится, за четырнадцать дней потеряла две недели, и ни одного килограмма. А насчет должен, ты что забыл, когда у Митрохина юбилей отмечали, ты у Кати аппликатор Ляпко попросил на пару дней, а уже месяц прошел.

– Да? Точно! Но выпивши я за себя не отвечаю, к тому же спина еще не совсем прошла, хотя каждый вечер на нем лежу.

– Надо каждый вечер на жене лежать, а ты на аппликаторе. Короче, гони его назад. Он где у тебя, на даче? Вот сам Катюхе и вручишь. Можно без протокола.

– Хорошая штука. Слушай, а может она его мне отдаст за бартер?

– Какой бартер? За тяпку что ли? Или запасные грабли ей предложишь? Или дачную противоковидную маску?

– Какой ты, Алексеич, вредный стал, сил нет. Ладно, следующая наша, поднимаемся. А что ты шляпу снял? Вроде не жарко, а тут и без лысых светло.

– Иди, иди, любитель устного народного творчества...

Дачный поселок располагался сразу за лесопосадками, и друзья неторопливо шагали, наслаждаясь чистым воздухом.

– Слушай, Семеныч, а если я твоей Кате спиннинг за аппликатор предложу? Мне он не нужен, где у нас ловить, я даже не помню откуда он у меня, а ведь новый... Ну в смысле – ни разу я им не пользовался. Лежит себе без дела.

– Ты что, совсем сбрендил? А ей-то он зачем? Воробьев подсекать на блесну?

С минуту Вадим молчал, потом вдруг оживился:

– А если на люстру трехрожковую? Она у меня уже в сарае пять лет лежит. Очень хорошо выглядит, очень. Вам тут в комнату...

– Повесь ее у себя в сортире, – перебил его Андрей. – Старья нам не хватало.

– А если на мясорубку? – не унимался Вадим. – У нас их две – одна дома, другая тут.

– Жить надоело? Твоя сразу тебя задушит, она вечно что-то в мясорубке крутит, колбасу что ли? Мясо здесь никто не продает.

– Да, ты прав, – огорчился Вадим. – А вот на соковыжималку она согласилась бы.

– А моя нет. У нас она одна и весьма неплохая. Алексе-

ич, да ты что, мне сейчас все свое барахло перечислять будешь? Хватит. Хвалилась овца, что у нее хвост как у жеребца. Очень ждем аппликатор назад. Пока. – И Андрей свернул к своей даче.

– Андрюша, – встретила его жена, принимая сумки, – ну и что ты купил внуку?

Тот несколько мгновений ошалело смотрел на нее, как он мог забыть! К обеду с родителями придет внучок, которому сегодня исполнилось тринадцать лет. Вот дырявая башка! В общем-то Димуля ни в чем особо не нуждается – планшет и смартфон и сопутствующие гаджеты у него не хуже сверстников, обут и одет, как сам просит. Велосипед у него новый, крутой, как говорится. Хотел же зайти в магазин и купить внуку нарды, чтоб тот с друзьями сел за настоящую, а не виртуальную доску, да засуетился – то надо взять, другое... И что теперь?

Жена все поняла и взглянула на мужа с молчаливым укором. Здесь только продовольственный магазин, а придут гости дорогие через час-полтора. И что, обещать Димуле подарок на завтра? Нет, дорога ложка к обеду.

Андрей задумался, зная, что из любой ситуации есть выход. Он вспомнил соседа Алексеича, а если... С отцом и его приятелями Димуля как-то ездил в соседнюю область на рыбалку, там прекрасное озеро. Ловили рыбу, варили уху, очень остался доволен. Спиннинг внуку подарить, у отца всяких удочек навалом, а этот будет лично Димулин.

Он увидел через общий невысокий забор вышедшего из сарая соседа.

– Алексеич, подойди, дело есть!

– Ты насчет аппликатора? Застрадались вы с Катей без него! Лечь больше некуда. Подожди, сейчас.

– Да я насчет бартера.

Вадим моментально оказался около забора.

– Слухаю, сын мой.

– Согласен поменяться на спиннинг, если он и правда непользованный.

– Счас принесу.

Да, спиннинг оказался в норме, надо было только его протереть от пыли. Вдобавок, к нему прилагалось две блесны.

– Заметано, – сказал Андрей, забирая бартерную вещь. – Аппликатор твой, можешь даже на работе на нем сидеть.

Довольные друг другом они разошлись.

Лида, жена Вадима, прибираясь в комнате, увидела на прикроватной тумбочке соседский аппликатор в упаковке-конверте.

«Ой, как неудобно, – подумала она, – его давно ведь вернуть пора. Подумают, что замылили».

Лида взяла колючий врачеватель, и выйдя на участок увидела Катю, спешившую на кухню с пучками лука и редиса.

– Катерина, – окликнула она ее, подходя к забору. – Спасибо за аппликатор, Вадиму очень помог, извини, что задержали.

– Да ничего страшного, Лидочка, – улыбнулась соседка, забирая аппликатор. – Извини, спешу. У меня внук сегодня приезжает, день рожденья у него, справим тут на воздухе.

Вкратце, считай, на бегу, минут за пятнадцать-двадцать обменявшись новостями и советами, они разошлись.

Уже когда стало темнеть Андрей увидел в спальне аппликатор. Как? Что?

Жена рассказала, что Лида его вернула. Вот это да! Ну сейчас Вадим встрепется. Точно! Тот уже стоял у забора и ждал соседа.

– Вот, блин, бабы, – покачал головой Андрей, – не спросят, что к чему, а потом отдувайся. Вернуть удочку твою я не могу, уже подарил внуку. А за аппликатор я что-нибудь предложу. У меня много чего есть...

– А просто вернуть не можешь?

– Нет, моя сейчас уже лежит на нем, спина у ней тоже побаливает. Что из-под нее выдернуть?

– А, значит, ты об обмене ей ничего не рассказал. Тихушник. Да на фига мне твое барахло. Гони аппликатор! Очень его ждем.

– Алексеич, я тебе завтра же новый такой же куплю. Надеюсь, пока не умрешь от тоски.

Андрей вернулся в дом и стал готовиться ко сну. Завтра, считай, полдня потеряно – в город и обратно. Но сам виноват.

Вадим сел пить чай, и тут заиграл песенку смартфон. Зво-

нил сын, обещал приехать завтра.

– Да, кстати, пап, там у вас где-то мой спиннинг, года два тому оставил, тебя тогда на даче не было, так что спроси у мамы. Собираемся на неделе с ребятами на рыбалку. Ну пока, до встречи.

Вот тебе раз! Прямо какой-то день сюрпризов. Вадим набрал номер Андрея.

Они встретились у забора.

– Семеныч, ты завтра в город едешь, будь другом, купи мне спиннинг похожий на тот, который отдал тебе. И не надо лыбиться. Тут некоторые проблемы возникли, потом расскажу. На, возьми деньги, если не хватит, я добавлю. Совершенно не представляю сколько он стоит.

Андрей, крутясь в постели размышлял, что у него с соседом произошел какой-то очень странный бартер – чем обменялись, то придется и покупать. Да чтоб он когда-нибудь еще... да не в жизнь!

Больничный

Да, гражданин, время сейчас такое ненадежное – сегодня есть работа, деньги, машина, коттедж, жена. Завтра – ничего, кроме жены, да и она уже не твоя. У худых – худая жизнь. Вот вы, например. О таких говорят: во, здоровый какой! А я что слышу? Бабки во дворе, те сразу: доходяга, ни жилец.

Знаете, как на психику действует? Вот худые и нервные все. Не верите? Хотите, укушу? Шучу, конечно. Хотя хочется.

Я на совместном предприятии работаю. Там у нас амбулаторный пункт. Только оттуда выданный больничный действителен для фирмы. Вот где медицина! наших врачей иностранцы здорово научили тому, что у нас раньше было. Нет температуры – иди паши. Деньги задаром тебе платить не будут. Докажи, что больной. В фирме есть несколько человек среди администрации с хроническими заболеваниями и один инвалид – так и те абсолютно здоровы. Слушайте, врачи у нас, как в военкомате – все сотрудники годны для строевой! Шагом марш! А я тут почувствовал на днях – что-то хреновато мне, вроде грипп, эпидемия же в городе. Для надежности зашел в аптеку и купил жароповышающих таблеток, которые и того кто ооченел, могут довести до нормальной температуры. Принял я их пару штук – и к нашему фирменному совместному терапевту.

Поставила она мне градусник – я про свое самочувствие тихонечко шепчу, а жаром от меня как от плиты пышет. Смотрю, врачиха даже украдкой пот вытирать стала, вроде бы притомилась. И я встревожился – лишь бы не рвануло подмышкой.

Наконец, взяла она у меня градусник и сладким голосом: – 36,9 у вас.

Нет, надо же как она этот инструмент настроила?! Я ей: – Не может быть! – Аж подскочил. А она показывает: до

красной черты ртуть не дотянула, значит, в общем, нормально, таблетками, мол, обойдетесь, и на работу, производство не ждет.

– Да есть же 37, – говорю, – глядите!

Дошли до заведующей. Она говорит:

– Мы в таких случаях не пожалеем ничего и никого, чтобы доказать наше профессиональное мастерство, попросту – компетентность.

Впихнули меня в «запорожец» первого выпуска. Раритет! На «вольво» им не престижно ездить. И еще пятеро медиков рядом сели и в институт ядерной физики. Там

под электронным микроскопом ведущие ученые (видимо, родня заведующей), рассмотрев градусник вежливо втолковывают мне, чуть ли не матом, что ртуть на шкале до 37 не дотянула аж на 0,11586 градуса по Цельсию. И махом мне соответствующую справку. А пока я ее читал, врачи уехали. Мы, мол, здоровых людей на спецтранспорте не возим.

А у меня бок разболелся – в «запорожце» придавили, да и в горле першит, насморк начинается, грипп – одним словом. Я в такси и обратно к нашим врачам. А что делать, на работу в этот день не выходил – выгонят из фирмы к чертовой матери. Значит, пошел опять по врачам. Сначала к этому – «ухо-горло-носу», по-простому отоларингтологу.

Он говорит:

– Насморк – нюхнули что-то резкое, а в горле першит – едите всухомятку, уши от громкой музыки закладывает.

– Не нюхаю, что попало, – бью себя в грудь, – а музыку вообще не понимаю, это у меня наследственное – от дяди, на-
стройщика роялей, и последнюю неделю, ничего кроме супа
не ел.

Короче, отправил он меня к аллергологу.

Ох, как тот меня мурыжил, наверное, бывший следова-
тель. И что я ем, и на чем сплю, и какие растения в доме, и
что растет во дворе, и где книги лежат, побелено, покрашено
или обои? Есть ли какая живность в квартире?

– Да как сказать, – отвечаю, – родственники из села под-
везли.

Он и обрадовался, а сам все время чешется.

– Во! – говорит, – это все из-за них: и сопли ваши и слезы.

Тут я засомневался малость – куры и рыбка-то в холодиль-
нике. Врач лицо скривил и объясняет, что тогда это все от
фреона, который в холодильнике. Он сочится и вызывает ал-
лергическую реакцию. Темный я, не знал, что бывает аллер-
гия на холодильник.

– А бок как же? – спрашиваю.

Тут врач повеселел, даже чесаться перестал, и отослал к
хирургу.

– Вечно у вас, кто с ожирением, проблемы, – сказал хи-
рург, нащупывая очки на столе. – На что жалуетесь?

А я ему:

– Это я толстый?! У вас нервы крепкие? Сейчас разденусь,
заплачете от жалости.

Только я майку снял, он мельком издали глянул и сразу:
– У вас ребро сломано.

Надо же, а? Вот это спец! Но я решил подстраховаться:

– Доктор, а может, на рентген надо?

– А зачем, на вашем скелете и так все прекрасно видно.

Так что больничный мне все-таки дали – правда, неоплачиваемый. Фиг же докажешь, что врачи мне ребро сломали. Но общее обследование проходить разрешили, чтобы не приставал. Ой, хорошая в амбулатории аппаратура, импортная. Нашли у меня всего двадцать две болезни вместе со всякими отклонениями. А при нашей жизни, считай, здоровее люди редко бывают.

На концерте

Антон Пахомов, сорока двух лет от роду, давненько не бывал ни в каких театрах, со школьной скамьи, но, вот довелось. Племянница Иришка, постоянная зрительница-любительница юмористических концертов, приболела, и отдала два билета дяде – свой и бой-френда. Без нее верный дружок тоже не пошел веселиться. А у Антона как раз оказался свободный вечер, потому что, обычно, остаканившись, он засыпал рано, вместе с заходом солнца. Хотел трезвый до омерзения Пахомов оба билета продать перед спектаклем, но смог только один, какая-то неразговорчивая бабуля со скид-

кой купила. А со вторым не получилось, до последнего надеялся Антон, но облом! Пришлось, чтоб деньги не пропали, самому идти.

Он сел рядом с бабулей, которая мрачно зыркнула на него. Ни фиги себе фанатка юмора! Да с таким выражением лица надо на кладбище похоронные процессии встречать, и кто еще слезу не пустил, сразу взрыднет... от страха. Пока Пахомов раздумывал над людскими странностями, ведущий объявил известного юмориста, фамилию которого Антон никогда не слышал, и ему стало немного стыдно за себя, чаще надо приобщаться к культуре. А ведь он когда-то даже читал газеты. А сейчас спроси его, кто олимпийский чемпион по шахматам? И ответить нечего.

Юморист стал рассказывать смешные истории о теще и жене, затем о глупой соседке. Благодатные, неисчерпаемые темы, так часто обсасываемые писателями-юмористами. Устало жующий жвачку телеоператор из какого-то второстепенного (по рейтингу) канала ТВ привычно выхватывал в зрительном зале, как ему казалось, очень фактурные, смеющиеся, и а на самом деле, глуповатые до жалости, лица.

Антон вспомнил свою тещу и тоже ехидно засмеялся вместе с залом. Покосившись на старушку, он с удивлением заметил, что она тоже улыбается, а ведь наверняка чья-то теща, ну значит, уже давно с ума съехала.

Иногда из уст юмориста звучали кое-какие фразы, а точнее, отдельные и весьма не маленькие фрагменты, которые

были и в правду смешные, почти оригинальные, если не считать, что они мелькали в обиходе, и даже звучали в короткометражках лет сорок назад, когда Пахомов был младенцем. Авторы, кажется, очень надеялись – слышавшие когда-то это почти все уже померли или впали в старческое слабоумие. И точно, реакция двух третей присутствующих в зале оправдывала их надежды – они веселилась, а более пожилые в задумчивости скупно кривили рот.

Антон вспомнил коллегу по работе Виктора Петровича, шустрого мужика предпенсионного возраста, тот выдавал кучу разных шуточек-прибауточек каждый день, и все они были намного прикольней, чем те, что звучали со сцены. Мужики за животы хватались, а особенно после того, как Петрович на закусь принес несвежую самсу.

Юморист выдавал заученное с азартом и задором, и опытный зритель чувствовал, он серьезно замахнулся на заслуженного, т.е. отработывал свои деньги честно и профессионально, хотя коллеги за кулисами знали, что он, так же, как и они, считает эту публику дебильной до предела. А это объяснялось просто – в концерте участвовали артисты юмористического жанра, в основном, среднего уровня. Звезда как всегда должна была приехать и выступить в конце представления. Так вот, тот народный артист вследствие своего высокого статуса уже воспринимал любых зрителей вполне достойными слушателями. Недаром его хорошо встречают! Хотя смутно помнил – раньше, когда имел звание пониже, публи-

ка приходила почему-то туповатая, смеялась меньше, а выдавал он тогда вещи даже качественней, чем сейчас. Каков парадокс!

Вообще-то, если Антон выпивал в хорошей компании, и сам шутить мог не хуже, но юмор-то был свой, прожитый, прочувствованный на собственной шкуре, поэтому чутко воспринимался друзьями и товарищами по работе. А какой у электриков главный предмет шуток, ну чтобы снять психическое напряжение? Конечно, тоже напряжение, только другое. Клин клином... При помощи тока в 220 вольт получают такие приколы! Одни трясутся от смеха, другие от ампер с вольтами.

На сцену выпорхнула молодая, но набирающая известность, певица. Это уже неплохо, подумал Антон, слава Богу, не гей какой-нибудь или бисексуал с песней «Я люблю вас, мальчики, я люблю вас, девочки...».

Пела она что-то любовно-бодренькое под веселенькую мелодию «в три такта», которая почти без изменений присутствовала в последние годы в сотнях отечественных эстрадных песен. И все потому, что композиторы и поэты старались не переутомляться в своей бурной творческой деятельности и пахать на износ. Берегли себя, умницы, зная, молодой пипл все схавает, тут даже текстовка не нужна, главное – мотивчик, и лишь бы более-менее присутствовала рифма.

Пахомов в такие детали не вдавался, но вспомнил, как лет пятнадцать назад познакомился он с похожей чувихой. Вот

тоже очень любила петь, правда, голос у ней был похуже, зато сильней. И все бы хорошо, но голосила она (как ее, а – Вика!), уж слишком часто, всерьез готовясь перепеть Долину с Ангузаровой. Да, блин, и телевизор, как следует, не посмотришь, ни хрена не слышно из-за Викиного пения. Только, когда обматеришь, замолкала, но начинала плакать. Хорошая деваха была – то пела, то плакала. А Антон ни того, ни другого не умел, потому и расстались.

Мужская часть зала пялилась на фигурку певицы, приоткрытую грудь и открытые почти до трусиков стройные ножки. Девушка все время старалась не проглотить микрофон, а его нельзя было отрывать от губ, иначе ее голос вряд ли кто услышал, т.к. отважная певица сдуру пела вживую. В чем явно сказывалась ее неопытность, но и само собой, отсутствие нужной популярности. Певица хлопала в ладоши, подавая пример залу, но и тут ей несколько мешал микрофон, иначе она так бы самоотверженно и рукоплескала себе во время всего выступления. А вот такие замашки певцов Антон очень не любил – то они заставляют зрителей хлопать, часто еще ничего не спевши, то замолкают и махая ручонками дают публике проорать знакомый куплет. Да что за фигня, я заплатил деньги, чтоб пели со сцены, а мне за пение в кресле никто не платит!

Соседка по креслу, плотно сжав губы, брезгливо и осуждающе сверлила взглядом певицу.

«Завидует старая, – подумал Антон, – жалеет, что в моло-

дости на сцену не взяли».

Его знакомая дворничиха из ЖЭКа Прасковья Михайловна, которой за шестьдесят, тоже завидовала Ниночке бухгалтеру, сидит, мол, бумажки перебирает, на компьютере играет, а тут метешь целый день, пашешь, а зарплата в три раза меньше. И все при встрече Антону на эту несправедливость жаловалась, заколебала!

– А ты поменяйся с ней дня на два, – предложил дворничихе похмелившийся Пахомов, – хочешь, договорюсь? Нина дворы пометет, разомнется, а ты пока отчеты в налоговую отправишь. Михайловна, ты кем до пенсии работала-то? Учительницей немецкого? Прекрасно, значит, справишься. По-немецки все бухгалтерские формы и заполняй, говори, что сейчас так модно.

Разобиделась Прасковья Михайловна, дней пять с Антоном не разговаривала, потому что они в эти дни не встречались, он как раз в деревню к родителям ездил, затынешь, попадут отгулы.

Наконец, борьба с микрофоном закончилась вместе с музыкой, и молодое дарование откланялось. Большинство зрителей тут же забыли ее стандартно-симпатичное личико, а повторить хотя бы подряд три слова из только что прозвучавшей новой песни ни смог бы никто, даже под угрозой расстрела.

Бывает такое. Антон вспомнил, как однажды он с неизвестным корешком целый день почти на природе – столики

кафешки стояли под деревьями у дороги, пили пиво. А завершая пикник, добавили по сто пятьдесят... Зря, конечно. И Пахомов тогда этому другу еще сто рублей занял. А на следующий день никак не мог понять и вспомнить, с кем он наподдавался вчера, что за алкаш с ним был? Так и осталось это загадкой.

Ладно, певица еще молодая, не сильно наглеет, а то некоторые заслуженные частенько заставляют зал петь за них строки припева хита, мол, вроде, это сближает публику и артиста. Антона такое всегда злило, он пришел слушать певца, заплатил деньги, а его самого принуждают горланить, ни фига себе!

Следующий номер с несколько потрепанной на прежних выступлениях слабоватой миниатюрой представляли двое артистов – муж и жена. Ценители юмора чувствовали, что для выступающих пишет какой-то начинающий автор, хотя, может, это вторсырье им досталось по дешевке и от мэтров. Для контраста кое-кому вспоминался Михаил Жванецкий, который при всем своем опыте так и не научился писать лабуду.

Женщина, лицом, видать, играть не могла, а брала только голосом, от визга до баса, и такое нравилось неприхотливой публике, принимавшей это за отточенное мастерство. Высокому худощавому мужчине (мужу) приходилось за двоих скакать козлом вокруг своей полной партнерши, создавая иллюзию перемещения дуэта по всей сцене. Зал глядел на

них благосклонно – двое артистов, как не крути, все же интересней, чем один, почти спектакль. Но концовка получилась несколько скучноватой из-за автора-паразита! Зрители благосклонно поаплодировали артистам, но на «бис» не вызывали.

Антон вспомнил свою бывшую первую жену, она была старше его лет на шесть, и врала, что они одногодки, в паспорте ей вместо ноля написали цифру шесть, тогда получалось, что в школу она пошла сразу, минуя детсад и ясли. А он балбес, козликом прыгал перед ней, старался во всем угождать, выпивал всего несколько раз в неделю, делал подарки – приносил, чуть ли не каждый день вяленую рыбку, а жена только устраивала скандалы. Ну не пила она пива вообще, кто ж знал, и перед свадьбой об этом не говорила. А Антон все в дом ташил, и продукты, и инструмент, и друзей, а ей все не так. Привередливая, но как с такой жить?

И что это старушечья все время на него косится?

Ведущий с неувлечимо знакомым лицом объявил финалиста Пятого телевизионного шоу иллюзионистов и фокусников.

Где же Антон видел ведущего? Может в пивбаре «Пенный» по улице Солодовника?

Заиграла музыка, на сцене появился какой-то столик или тумбочка на колесиках и вместе с ним артист оригинального жанра в темно-алом пиджаке, и что странно – без цилиндра, наверное, этот атрибут устарел. Тросточка у фокусника

превращалась в букет цветов, из-за пазухи вылетали голуби, а в руках то появлялись, то исчезали колоды карт, ленты и прочая чепуха.

А чепуха все это, слабак он! Антон снова вспомнил бригадира Петровича, когда они с ним в прошлом году занимались заменой электропроводки на одном объекте. Всего ее длина была 940 метров, а бригадир вписал в Акт выполненных работ 3115 метров. Представитель заказчика долго этому не мог поверить, пока Петрович не провел его, считая метры, по многочисленным полутемным подвальным коридорам туда и обратно два раза, утверждая, что они шли только прямо в одну сторону, а план здания не соответствует действительности, все давно перестроили. Вот, это был фокус! После этого озадаченный представитель, щурясь на белый свет, подмахнул Акт. Как хорошо скалымили! Да, в наше время профессионалов поискать надо.

... Ассистентка с видимым трудом залезла внутрь столика-ящика, фокусник закрыл дверцы и провернул эту мебель вокруг оси, демонстрируя ее малые размеры. Затем он набросил на тесное убежище бедной девушки плотную материю типа атласной простыни и вскинул вверх руки. Естественно, тут же заиграла тревожная музыка с постепенно угасающим светом. Секунд через семь (а за это время, имея соответствующую сноровку, из ящика можно было сбежать раза два, не меньше), свет вспыхнул с новой силой. Фокусник сдернул покрывало и открыл столик, – конечно, внут-

ри было пусто. Публика вежливо похлопала в ладошки. Артист снова набросил покрывало (но свет уже не тушили, на зло скептикам), и почти тотчас снова сдернул атлас и открыл дверцы. Девушка, вот чудеса! оказывается, находилась внутри, и очаровательно улыбаясь, вывалилась наружу. Сейчас зрители заплодировали, не догадываясь, что к основному столику в темноте присоединили еще один поменьше, куда и откуда перебиралась ассистентка. А так как он находился в глубине сцены, зрители увеличения этого реквизита не заметили, а значит, выступление удалось!

Вторая жена Пахомова, зараза! поступала похоже. Вечером уезжала к своим родителям на дачу, а когда Антон с приглашенной на дружественные посиделки подругой уже кувыркался в постели, супруга появлялась в четыре часа ночи, вроде бы как забывшая в ванной любимую помаду. Даже денег на такси не жалела, лишь бы мужу навредить. Перестал он в дом женщин приглашать, стал ходить к ним, в их сторону. Но и тут женушка на месте встречи, проявлялась как черт из табакерки, хлеще, чем эта ассистентка. Вот нюх у ней был, то ли на Антона, то ли на его баб, – обалдеть! Но как с такой жить? Да, много пришлось перетерпеть за три брака и пять разводов.

Пахомов взглянул на бабуся, она что-то записывала в маленький блокнот. Понятно, совсем свихнулась, однако хочет иллюзион дома строить.

Ведущий, с некоторой заминкой, пожевав губами, объ-

явил дуэт баянистов. Ага, сейчас Антон вспомнил, где он с ним встречался. И совсем не пивбаре, а недели три назад на барахолке. Антон долго выбирал себе демисезонные штиблеты среди гор обуви всех стран мира одного китайского производства. А сегодняшний ведущий сандалии летние себе покупал, на зиму, что ли, сентябрь на дворе? И примерял тщательно. А день стоял хмурый, дождливый, грех не выпить. И в одной из прибарахольных закусовых они находились за соседними столиками, Пахомов закусывал салатиком, а этот тип рыбкой. И так он тщательно и со вкусом обгладывал и обсасывал кусочек хека, что Антон залюбовался – чувствовалось, мужик был из тех, кто даже гранаты ест, из зерен вытаскивая ядрышки. Надо же, впечатался в память хек ...

У двух виртуозов-баянистов, видать, дела шли в гору, а их Антон неоднократно видел по телевизору. Дуэт сегодня выступал уже с подтанцовкой, которая дергалась за ними, словно девчат и ребят било током, но даже и они не очень портили выступление мастеров, играющих весело и с задором.

Жаль, не дал Бог Антону музыкального слуха – мамонт на ухо наступил. Всегда он любимым музыкантам завидовал белой завистью, и у этих – вишь, как пальцы по кнопочкам летают! А все-таки баян-то не легкий инструмент, считай, как грузчики эти ребята, только тяжесть на пузе. И у Антона работа тоже не мед, сколько всякого электрооборудования таскать приходится. Но как-то интересно получается: если что для

себя стащишь, прешь, пусть и тяжелое, так оно вроде почти ничего и не весит. Права поговорка...

Эх, ему чуть-чуть больше сорока, а позвоночник давно побаливает, и баянисты, наверняка, остеохондрозом маются. Антону стало грустно, и он скопом пожалел всех артистов – участников этого концерта с их проблемами. Эх, жизнь-жестянка. Вот, называется, повеселился, аж слезы на глазах.

Неожиданно старушка-соседка, чувствительно толкнув Антона под бок, протянула ему блокнот, где он с удивлением прочитал следующее: «Что, не узнаешь племянничек? Мне Иришка подсказала, где тебя искать». Пахомов уставился на старушку. Ё-моё, так это ж тетя Лиза из Барнаула, сто лет не видались, а что это с ней?

– Ангина у меня, – еле слышно прошептала тетя. – А концерт хороший, смешно было, а смеяться нельзя – горло дерет.

«Наверное, насчет долга приехала, а денег-то нет, – с тоской подумал Антон, – два года уже тяну, а занимал на месяц, да притом еще и за обратный билет с нее содрал».

Когда они вышли из театра, тетушка указала на ближайшую скамью.

– Ладно, Антоша, не парься, – просипела она ему прямо в ухо, без труда догадавшись о мыслях племянника. – Посмотрела я на артистов и подумала, что вся наша жизнь – это почти сплошной юмор, если смотреть на нее со стороны, как бы из зрительного зала. Ну и деньги в том числе, значит,

ничего не значат, особенно в моем возрасте. Забудь о них, мы же родня...

Философствует тетя Лиза, усмехнулся про себя Антон, но вывод сделала правильный. Как говорится, великая сила искусства повлияла. Надо обязательно купить на такие концерты билеты для парочки своих самых надоедливых кредиторов. А вдруг? Хотя, вряд ли. Никакое выступление их не расстрогает и пофилософствовать не заставит. Не те люди. А вот он и тетя Лиза как-то задумались. Родня все-таки.

Антон огляделся. Тетушка куда-то пропала. Что за наваждение? Как он мог такое забыть?! Тетя Лиза не могла тут быть, она уже месяца три лежит частично парализованная в другом городе. Выздоровела, что ли, и примчалась сюда? Не может быть, в ее годы таких чудес не бывает! Померещилось, значит... Вот это концерт!

Тест

– Сержант Вдугубов, вы сегодня впервые заступаете на дежурство по объекту – международный аэропорт Филькино. Вводный инструктаж прошли? Ага. Будьте предельно внимательны. Ориентировки на находящихся в розыске получили?

– Так точно, товарищ прапорщик.

– Как у тебя со зрительной памятью, сержант?

– Не жалуюсь, товарищ прапорщик.

– Что ты не жалуешься, ничего не значит, есть и однору-

кие, которые не жалуются на инвалидность, а грузчиками работать не могут.

– А я работал грузчиком, товарищ прапорщик. А инвалидности у меня не было.

– Это я, к примеру, Вдuezубов. О том, что не будь слишком самоуверен. Понятно? Ага. Тогда небольшой проверочный тест. Что ручки нету? Да не текст, а тест. Вопросы то бишь. Итак: на каком плече у нашего майора – замначальника отдела, шрам? На правом или на левом?

– Так откуда мне знать, товарищ прапорщик, я его всего два раза видел, да и то в шинели.

– Отставить! Отвечайте на вопрос, сержант. На правом или на левом?

– Э-эээ... На правом.

– Да, Вдuezубов, со зрительной памятью у тебя хреновато. Шрам у него на ноге, выше колена.

– А вы сами откуда это знаете?

– Без намеков, сержант. В нерабочей обстановке – в сауне после успешно проведенной операции по сдаче квартального отчета в горуправление. Ладно, давай попробуем еще, все-таки дежурство предстоит очень ответственное, вот и отвечай на следующий вопрос, может, ты к противоположному полу более внимателен. Знаешь Зиночку, то есть лейтенанта Зинаиду Павловну?

– Инспектора по делам несовершеннолетних? Конечно.

– Какого цвета камешки в ее сережках?

– Э-эээ, хитрый вы, товарищ прапорщик. А у нее сережки без камушков, просто золотые.

– Да, Вдуюзубов, разочаровываешь ты меня. Синие у Зайки, то есть у Зинаиды Павловны, камушки в ее любимых сережках, а вот персинг у нее в пупке – да, там без камушков.

– Извините, перепутал. А вы откуда про персинг знаете?

– Без намеков, сержант. В нерабочей обстановке – в сауне после успешно проведенной операции по списанию незатребованного пассажирского багажа в связи с истечением срока хранения. Что только люди не забывают (с улыбкой трет ладони). А сейчас, Вдуюзубов, ознакомлю тебя с дополнительной информацией (достает пачку фотографий). Это потенциальные правонарушители, крайне склонные к повтору своих противоправных нарушений, можно сказать – почти рецидивисты. Вот видишь эту рожу, запоминай остатками того, что у тебя еще есть в так называемой голове. Опасный тип, дважды был задержан на таможенном посту перед вылетом в Анадырь с саженцами тропических фруктовых растений без соответствующих разрешений фитоконтроля. По его словам, вроде как хочет скрестить их с ягелем или карликовыми березками. Проходит у нас под кличкой Мичурин. А вот это на фото сорокапятилетняя ягодка, которая часто летает обходными путями в Киев к живущим там детям. Ее всегда провожает муж с собачкой. Вот они. И уж так долго и трогательно прощаются, целуются, всхлипывают, что поневоле возникает подозрение... – прапорщик замолкает, задумывается.

мавшись.

– А что тут такого, товарищ прапорщик? Значит, любят друг друга.

– Вот-вот, и я об этом. Муж стоит в сторонке как неприкаянный пока она с собачкой милуется. Интуиция подсказывает мне, что эта мадам когда-нибудь не выдержит и втихую прихватит с собой на Украину свою любимицу, сунув ее в дамскую сумочку. А собачка дорогой породы и там ее могут выкрасть, начнется следствие, а псинка, наверняка, без справок о прививках и, не дай Бог, заразит остатками коронавируса какую-нибудь живность, допустим, на улицах Киева. В прессе сразу завопят, мол, диверсия москалей, и начнется очередной международный скандал, понимаешь? И может смена очередного ихнего президента. – Из-за собачки?!

– А это им уж как кураторы из-за океана скажут, лишь бы причина была. Впрочем, в предположениях могу ошибаться, я в политике не силен. А сейчас приглядишься к этому вроде бы добропорядочному на мурло типу. Замечен на вывозе за границу особо крупной партии картин, естественно, без соответствующего разрешения. Значит, может повторить попытку.

– А что он именно пытался вывести, товарищ прапорщик?

– Более 10 акварельных и карандашных рисунков неизвестного художника. Утверждал, что это рисунки его 6-тилетней дочери, мол, везет показать, подарить творчество внучки деду и бабушке, живущим в Казахстане. Но это все

голословно, нет не только заключения экспертов, но даже и справки из детсада. За дурачков нас держит. А я что, картин Пикассо не видел? И ты развивайся, сержант Вдуюзубов, это пригодится, если не в жизни, то на работе. А вот еще красотишки-студентки...

– Ой, а где это они так хорошо и ровно загорели? У меня жена так мечтает загореть, все денег просит на солярий, задолбала...

– Вдуюзубов, это ты меня задолбал. Какой на фиг загар? Ты что, не видишь, что это африканки? Из государства (переворачивает фото и читает) Западный Дзаопсипуду. Попытка вывоза незадекларированной ихней валюты – 17 тысяч наоби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.